

РАЗЛОЖЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И НАЧАЛО КОЛОНАТА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Проф. В. С. Сергеев

1. Пекулий и вольноотпущенничество

Рабовладельческая система, составлявшая основу римской экономики классического периода, уже с конца республики начинала обнаруживать симптомы распада.

Рабовладельческий способ производства оправдывает себя только до определенного социально-экономического и технического уровня. По мере роста производительных сил, расширения производства и меновых отношений, разделения труда, усовершенствования методов работы и технического прогресса, рабовладельческое хозяйство в чистом виде становилось нерентабельным и разлагалось в силу внутренних причин. Обострение классовых противоречий вызвало уже в период республики восстания рабов, колебавшие основы рабовладельческого строя, частые побегі, заговоры и покушения рабов на своих хозяев и т. п.

«Сколько рабов—столько врагов»¹—такова формула классовых отношений между рабовладельцами и рабами. Конкретной иллюстрацией этой общей формулы служит надгробная надпись негониатора Элия Аспрена, в которой умерший выражает свою радость по поводу смерти, освободившей, наконец, его от рабства его рабов (*Aelius Asprenas Commodi Caes. negot... mortem alacrius admisit, quod ab servorum suorum servitute tandem liber evaderet...*)².

Одним из симптомов разложения рабовладельческого строя было развитие пекулия. Рабовладельцу он давал возможность в широком масштабе заниматься торговлей, расширять производство, улучшать методы работы и извлекать больше выгоды из обработки земли. Рабу же пекулий обеспечивал минимум юридической свободы, позволял делать накопления, иметь собственных рабов, а в перспективе открывал надежду на вступление в состав гражданства (*Dig.*, XXIX, 1).

В составе пекулия могли находиться всякие вещи, движимое и недвижимое имущество, в пекулий могли входить также и рабы (*Dig.*, VII, 4; XV, 1, 29).

Из высказываний юристов по этому предмету видно, что одним из наиболее распространенных видов пекулия служили земля, скот и инвентарь, которыми господин снабжал своего раба, предоставляя ему под собственную ответственность совершать юридические акты. Кроме того, при импе-

¹ Sen.—*Epist.*, 47,5.

² Fabretti—*Inscr. ant.*, X, 238.

рии особенно часто практиковалась отдача рабам в пекулий денег (*sors*) с предоставлением им права под юридической ответственностью господина заниматься торговлей, вести денежные дела, открывать мастерские и т. д. (*Dig.*, XV, 1). Ответственность за заключенные им сделки и договоры в силу особого иска о пекулии (*actio de in rem verso*) нес его патрон-доверитель, т. е. рабовладелец; отчуждение или передача пекулиев запрещались законом. «Ни раб, ни колон не может отчуждать свой пекулий».

По букве закона господин отвечает за все сделки держателя пекулия, даже в том случае, если таковые заключены без его ведома (*G a i—Instit.*, IV, VII, 4).

На практике права держателя пекулия были значительно шире, чем это может показаться на первый взгляд. Уже в силу самого факта пекулия, отрывавшего раба от рабовладельца, раб становился в известном смысле свободным, имел собственную инициативу, действуя в качестве доверенного лица своего хозяина—управляющего имением, содержателя мастерской, торгового приказчика, шкипера (*magister navis*) и т. д. Существенно важно было то, что ответственность господина признавалась только в размере пекулия, в остальном же раб и кредитор, заключавший с ним сделку, предоставлялись самим себе. На практике формальное бесправие раба обходили при помощи фиктивных формул с прибавлением слов *si liber esset* (если бы он был свободным) или специальных исков о пекулиях с перестановкой субъектов¹.

Таким путем для раба открывалась возможность делать известные сбережения, экономически освобождаться от зависимости от своего господина и тем самым как бы переходить в разряд свободных. На повышение социально-экономического положения рабов, имевших пекулий, указывают встречающиеся в *Дигестах* характерные выражения вроде того, что раб может иметь собственное имущество (*proprium patrimonium*), делать накопления и т. п. Самый пекулий определяется как «как бы собственность свободного человека», «*quasi patrimonium liberi hominis*» (*Dig.*, XV, 1, 47, 6).

Развитие различных видов пекулиев с естественной необходимостью приводило к образованию новых имущественных категорий и освобождению из-под власти отца и господина сыновей и рабов. Таким путем разлагались главные устои древнего Рима—патриархальная семья и рабовладение.

С экономической точки зрения, практика пекулиев предоставляла существенные выгоды, делая хозяйство более гибким и многообразным, соответственно потребностям развитого обмена и денежного обращения. Раб освобождался от казарменного режима и, отрываясь от своего господина, превращался в крепостного, т. е. подымался на более высокую ступень социальной лестницы.

Вторым показателем разложения рабовладельческого строя, не отделымым от пекулия, было вольноотпущенничество, принявшее в первом столетии нашей эры чрезвычайно широкие размеры. По мнению авторитетных ученых, число вольноотпущенников в то время в больших городах доходило до 40, 50 и даже больше процентов всего населения².

Институт вольноотпущенничества вызывался экономическим расчетом и политическими соображениями, желанием, с одной стороны,

¹ *Dig.*, XIV, 1, 5. В. М. Х в о с т о в—История римского права, 1919, стр., 264.

² А. М. D u f—Freedmen in the early Roman empire, 1928.

максимально выгодно использовать энергию раба, освободиться от его содержания и организационных хлопот, а с другой—приобрести в лице отпущенного (либерта) нового клиента. Отношения между господином и рабом с момента отпуска его на волю не прекращались, но только изменяли свою форму. Рабовладелец, отпускавший раба, помимо денежной платы получал право в качестве патрона требовать от своего клиента различных услуг и работ, выражаемых римскими юрисконсультами формулой—личные услуги (*operae officiales*) и ремесленные работы (*operae fabriles*).

На личные услуги клиента мог претендовать только сам патрон, и они не могли быть отчуждаемы. Ремесленные же работы могли быть производимы также и в пользу третьих лиц (*Dig.*, XXXVIII, 1,9).

Права патрона распространялись не только на те знания и мастерства, которыми клиент обладал, будучи рабом, но также на мастерства и знания, приобретенные им уже после отпуска.

Само собой разумеется, что при всех юридических конфликтах (казусах), возникавших между господином и вольноотпущенником, закон, как правило, всегда защищал права господина; в частности, это имело место в отношении передачи либертами своих имуществ по завещанию или каким-либо иным путем. «Некогда,—пишет Гай (*Inst.*, III, 39)—было позволено либерту в завещании обходить патрона. Потом эта юридическая несправедливость была исправлена преторским эдиктом. Впоследствии права патрона были еще более увеличены».

Институт вольноотпущенничества продолжал развиваться в течение всей империи, а права и удельный вес либертов в римской экономике и обществе с каждым столетием возрастали. Большая часть отпускаемых рабов принадлежала к домашнему штату господина, торговым посредникам, ремесленникам и представителям интеллигентных профессий, и сравнительно редко отпускались рабы-чернорабочие, но все же и здесь наблюдалась общая тенденция к разложению рабовладения. Отпускаемые рабы, получавшие по завещанию или приобретавшие каким-либо иным путем средства, становились хозяевами мастерских, лавок, банкирских контор или же поступали на государственную и гражданскую службу. Кроме вышеотмеченных экономических расчетов, росту вольноотпущенничества благоприятствовала также и общеимперская политика. Больше всего вольноотпущенников и рабов имели сами императоры, использовавшие их как в своем личном хозяйстве и обиходе, так и на государственной службе.

Либертам предоставлялись, в особенности при Клавдии и Нероне, ответственные места в различных ведомствах управления, при дворе и в личном хозяйстве императора.

Ограничивая число отпускаемых рабов определенной нормой, императоры исходили из чисто политических соображений. В тех же случаях, где этой политической опасности не ощущалось, они не только не задерживали, но скорее поощряли отпуска рабов.

Многие фашистские и близкие к ним «историки» рост вольноотпущенничества при одновременном сокращении свободного населения считают основной причиной вырождения и разложения античной культуры. Такова, например, точка зрения историка Теннея Франка, проведенная в его работе «Расовое смешение в Римской империи»¹.

¹ T. Frank—Race mixture in the Roman empire, AHR, 1916, v. 21, p. 689.

В опровержение расовой точки зрения надо указать, что в поздней античности вольноотпущенники и колонны представляли наиболее устойчивую и здоровую часть населения. На их плечах держалось все здание Римской империи. В то время как высшие классы утрачивали интерес к общественной и семейной жизни и деградировали, среди вольноотпущенников наблюдались более высокая оценка труда и возрождение семьи. Об этом свидетельствуют многочисленные эпитафии, в которых многие вольноотпущенники, недавние рабы, в трогательных словах выражают свою супружескую верность и преданность, гордятся своей профессией кузнеца, сапожника, маляра, суконщика, ткача, бочара и т. п. В то время как древняя знать истребляла себя во взаимной борьбе и таяла вследствие пороков и излишеств, из недр рабовладельческого общества вырастали новые социальные силы, оттянувшие распад рабовладельческого Рима.

Однако презрение к производительному труду свободных препятствовало тому, чтобы свободный труд стал основной формой общественного производства. Лишь в теории стало намечаться иное отношение к труду. В римском классическом праве различные взгляды на труд нашли отражение в спорах по вопросу о спецификации материи и труда. Представители старого взгляда на труд, сабинианцы, не проводили различия между трудом и материей, из которой сделана вещь. При таком взгляде на труд личность мастера, творца данной вещи, растворялась в материале, мастер полностью принадлежал владельцу материала. Противоположного взгляда держались прокулеянцы, отражавшие новую экономику и новые производственные отношения. По мнению прокулеянцев, труд отделяет от материи и тем самым, следовательно, личность мастера отделяется от работодателя, и он становится юридически самостоятельной личностью. Некоторые отождествляют материал (*materia*) и самую вещь (*substantia*), полагая, что вещь принадлежит тому, кому принадлежит материя. Такого взгляда держатся Сабин и Кассий. Другие же считают, что вещь (*res*) принадлежит тому, кто ее сделал. Это утверждают авторитеты другой школы (*G a i—Inst.*, III, 39, 42).

Точка зрения прокулеянцев получила признание по мере вытеснения труда рабов трудом вольноотпущенников и свободных, число которых возрастало как в городском, так и в сельском хозяйстве.

Соответственно изменению взгляда на труд улучшалось также и правовое положение рабов, из «говорящих машин» превращавшихся в людей. В истории римского законодательства о рабах целую эпоху составляют закон Клавдия, освобождавший больных рабов (*S u e t.—Claud.*, 25) и закон Петрония при Нероне, запрещающий без санкции магистрата посылать рабов на борьбу с дикими зверями (*D i o C a s s.*, IX, 29).

Указом императора Адриана господину было запрещено убивать рабов по собственному произволу (*S N A, N a d r.*, 18), при Антонине Пие убийство своего раба было приравнено к убийству чужого, и рабы получили право убежища (*D i g.*, I, 6, 2).

В римском праве все чаще проводится взгляд, по которому свободное состояние является естественным, рабство же, хотя и признается всеобщим социальным институтом, считается противоречащим природе. «С точки зрения гражданского права,—рассуждает Ульпиан,—рабы—ничто (*pro nullis habentur*), но, с точки зрения естественного права (*quod ad ius naturale attinet*), все люди равны» (*D i g.*, I, 17, 32).

Но все это были лишь теоретические идеи и морализирующие сентенции. Поскольку римское общество оставалось рабовладельческим, юриди-

ческое положение рабов не изменилось существенно, а эксплуатация рабов при империи в связи с расширением менового хозяйства и повышением уровня жизни не только не уменьшилась, но даже увеличилась. В первой книге «Институций» в титуле о персональных правах разделение общества на свободных и рабов принимается в качестве незыблемого, естественного социального института. «Основное деление прав личности покоится на том, что все люди суть свободные или рабы». Под свободой (*libertas*), откуда происходит и название свободные (*liberi*), понимается естественное право (*naturalis facultas*) делать все, что не ограничивается силой или правом.

Рабство же есть институт международного права, по которому один человек вопреки природе подчиняется воле другого человека. Само название рабы (*servi*) происходит от того, что полководцы продавали своих пленных, сохраняя им жизни (*servant*), вместо того, чтобы их убивать. Другое название—*mancipia*—происходит от того, что они захватывались рукой врагов (*ab hostibus manu capiuntur*)¹.

В состоянии рабов нет никакого различия (*nulla differentia*). Между свободными же существуют многие различия.

2. Сельское хозяйство в I—II вв.

Социально-экономические причины, приводившие к разложению рабовладения в городском хозяйстве, оказывали свое влияние также и на сельское хозяйство. При сложившейся в I—II вв. н. э. экономической конъюнктуре в Римской империи оправдывали себя только два вида сельскохозяйственных культур, одинаково плохо совместимые с рабским способом производства в чистом виде: 1) интенсивные садово-огородные плантации (виллы), производившие высокие сорта вин, овощей, фруктов и пр., и 2) экстенсивные барские поместья.

Устроенные по всем правилам тогдашней агрономии и агротехники, рабовладельческие виллы являлись идеалом агрономов ранней империи. Колумелла не советует разбивать больших плантаций, так как опыт показывает, что только виллы среднего размера, но со значительным вложением капитала, рационально поставленные и находящиеся под надзором самого владельца или его доверенного лица (вилаки или прокуратора), приносят солидный доход.

Первой заботой хозяина организованной на рациональных основах виллы должна быть, по мнению Колумеллы, забота о рациональном использовании рабочей силы поместья; самое существенное—люди, будь то колонны или рабы, закованные или незакованные. Первое дело—надо хорошо обращаться как с теми, так и с другими. Палка не является единственным воспитательным и организационным средством, необходимы еще и другие, более тонкие средства поощрения (*С о l u m., I, 7*).

Такую же мысль проводит Плиний Младший, заявляя: «Нет ничего хуже, как поля, обработанные скованными рабами из эргастулов».

Разумные сами по себе советы агрономов-рационализаторов, однако, не совмещались с рабовладельческой системой хозяйства. Пожелания агрономов о рационализации плантаций и более рациональном использовании труда рабов упирались в социально-экономическую природу рабовладельческого хозяйства, не допускавшего ни очень больших размеров, ни большой интенсификации труда, ни значительных вложений капитала.

¹ Inst. I, III; L. L a n g e—Römische Altertümer, I, 144.

По сравнению с республикой, сельскохозяйственная техника при империи обнаруживает известный прогресс как в отношении методов работы и использования рабочей силы, так и в отношении сельскохозяйственных орудий. Наибольший технический прогресс наблюдался в тех странах, где производилось наибольшее количество продуктов и где труд рабов имел ограниченное приложение. К числу таких стран принадлежали Галлия и Римская Африка. Для иллюстрации технического прогресса в сельском хозяйстве достаточно нескольких примеров. В агрономическом трактате Палладия «О сельском хозяйстве» (IV в.) описан жатвенный прибор, по своей конструкции напоминающий жатвенную машину. Прибор состоял из двухколесной тележки, на квадратной поверхности которой находились направленные во-вне доски. Верхняя часть их была более широкой, чем нижняя, и на передней части повозки они были поставлены ниже, чем на задней. Доски снабжались большим количеством мелких зубьев, загнутых наверху, срезавших попадавшие в них колосья. Сзади в повозку впрягался бык, который толкал ее по полю, обрезанные колосья падали в тележку, а солома оставалась на поле. Экономический эффект описанного прибора был очень велик. Благодаря механизации производственного процесса достигалась огромная экономия рабочей силы: в течение дня бык с одним своим вожатым мог сжать целую пашню (P a l l., De re rust., VII, 2).

Исходной точкой перемен в сельскохозяйственной технике служили перемены в главном орудии труда—плуге. У римских писателей в различных сочетаниях довольно часто упоминаются или описываются сельскохозяйственные орудия, в том числе и плуги.

Богатейший материал по вопросам сельского хозяйства, агротехники, о свойствах и качествах почвы, качествах, весе и цвете семян и о сельскохозяйственных орудиях имеется в «Естественной истории» Плиния, этом замечательном труде античного мира.

«Известны,—говорит Плиний,—многочисленные виды плугов. Резаком зовется кривой нож, которым режут очень плотную землю, прежде чем поднять ее, намечая этими надрезами линии будущих борозд, в которые при пахоте врежется загнутый лемех. Другой вид плуга—это обычный плуг, в виде рычага с кловом. Третий—для легких, у которого лемех надет не на всю подошву, а представляет только маленькое острие на конце. Он шире и острее у четвертого вида, заканчиваясь острием, как у меча, которое одновременно прорезывает землю своими острыми сторонами и корни трав. Недавно в Реции придумали к плугу прибавить пару колесиков. Лемех у него имеет форму лопат. С таким плугом сеют, только предварительно хорошо обработав землю, преимущественно новь. Широкий лемех переворачивает дерн. Сейчас же бросают семена и проходят по ним зубьями бороны» (P l.—NH, XVIII, 171—173).

Из другого источника известно, что в Галлии употреблялся плуг на колесах, глубже пропахивавший землю и вырывавший сорные травы, дававший большую экономию во времени и рабочей силы¹.

В провинции Африке применялась механизированная молотилка (tribula, plaustra punica), тоже род повозки, усеянной зубьями, которыми выбивали из хлебных колосьев зерна (S e r v.—Verg. Georg. 1, 160).

Описанные сельскохозяйственные орудия были известны и в других частях Римской империи, в том числе и в Италии, но они не получили все-

¹ T. M a g e r s t e d t—Bilder aus der römischen Landwirtschaft, V, 238.

общего распространения и не повлекли за собой промышленной революции. В условиях рабовладельческого строя механизации орудий производства, как и вообще техническому прогрессу, был поставлен определенный предел. Механизмы могли употребляться только в крупных хозяйствах с предпринимательским уклоном, работавших на большой рынок, хорошо организованных, с солидным вложением капитала и пр. Этих условий в Римской империи не существовало. Римский магнат освобождал себя от больших хлопот, предпочитая обрабатывать свои владения при помощи рабов или же сдавать их в аренду мелким арендаторам—колонам.

3. Рост латифундий и разорение мелких производителей

В общем масштабе сельского хозяйства Римской империи образцовые садово-огородные плантации занимали не много места. С утверждением принципата садово-огородные культуры расширяются в провинциях и, напротив, постепенно сокращаются в Италии. Место садово-огородных плантаций в Италии заступали экстенсивные луговые, лесные и зерновые хозяйства¹.

Общэкономическая конъюнктура как в Италии, так и в провинциях в первые столетия нашей эры не была благоприятна для процветания среднего и мелкого землевладения. Вытеснение мелких и средних хозяйств крупными, начавшееся при республике, продолжалось также и при империи. Распыление среднего и мелкого землевладения вызывалось рядом экономических и неэкономических факторов: 1) острой конкуренцией между хозяйствами и малой доходностью сельского хозяйства; 2) ростом городов и политикой раздач и 3) широким развитием клиентелы.

В различной степени земельная концентрация имела место во всех странах Средиземноморского бассейна, но с наибольшей силой она развернулась в Италии, Сицилии, Африке и других провинциях с пастбищным и зерновым хозяйством.

Общая и специальная литература ранней империи, посвященная вопросам сельского хозяйства, полна сообщений и жалоб на катастрофическое разложение сельской демократии и поглощение средних и мелких хозяйств латифундиями.

Данные о росте крупных поместий и о вытеснении ими мелких во множестве рассыпаны в сочинениях Горация, Колумеллы, Плиния, Гигина, Ювенала, Апулея и др.

Поглощение мелких собственников крупными в I в. стало столь частым явлением, что даже сделалось предметом школьных риторических упражнений (декламаций). «Я не всегда был соседом богатого человека,—читаем мы, например, в одной из «Декламаций» псевдо-Квинтилиана (Declam., XIII). Вокруг меня жили по многочисленным дворам одинаково зажиточные собственники, поддерживавшие между собой дружеские отношения и хозяйничавшие на своих небольших участках. Но как изменилось все это теперь. Земля, прежде питавшая всех граждан, представляет собою теперь единую обширную плантацию, принадлежащую одному богатому владельцу. Его имение увеличилось со всех сторон. От поглощенных им крестьянских дворов ничего не осталось, отеческие святыни разрушены. Прежним владельцам пришлось с домашними богами, женами и детьми

¹ М. Сергеевко—Два типа сельских хозяйств в Италии I в. н. э. ИАН, 1935, № 6, июнь.

отправиться на чужбину. Все кругом на далекое расстояние обратилось в однообразную пустыню...

Владения богача со всех сторон окружают меня, как стена: здесь вилла богача, там его поля, здесь его виноградники, там его леса и пастбища. И я охотно переселился бы, но не могу найти такого места, где моим соседом не был бы какой-нибудь магнат.

Повсюду наталкиваешься на владения магнатов. Они не довольствуются расширением своих поместий, доводя их до размеров территорий, некогда принадлежавших целым племенам, границами которых служат реки и горы, но захватывают еще и отдаленные горные пустыни и леса. Эти захваты кончаются лишь там, где один магнат наталкивается на другого.

Земельная концентрация имела место также и в провинциях, хотя и не в одинаковой мере.

Классической страной магнатского землевладения считается римская провинция Африка, где магнатские поместья (сальтусы) занимали территории, на которых прежде жили целые племена. Составитель специального трактата в I в. н. э. «О земельных спорах» Фронтин выделяет Африку, как пример магнатского землевладения. «В Африке,—говорит он (*De controu. agr.*, 53)—частные лица имеют поместья не меньших размеров, чем государственные территории, даже больше того—многие сальтусы далеко превосходят территории».

По словам Плиния Старшего, современника Фронтинна, половина Африки принадлежала шести римским магнатам, павшим жертвами нероновского террора (NH, XVIII, 35).

Межевые камни показывают, что имения римских сенаторов в большом количестве имелись в Апулии, Калабрии, Бруттии, Кампании и пр. К той же самой эпохе Нерона относится знаменитая, хотя, конечно, и сильно риторическая сентенция Плиния: «Латифундии уже погубили Италию, а в недалеком будущем грозят погубить также и провинции».

Вытеснение мелких хозяйств крупными продолжалось и во II в., хотя и не с такой силой, как в I в. В виде примера можно сослаться на судьбу двух колоний римских ветеранов, некогда выведенных Суллой: Велейи на севере и Беневента на юге. Колонии ветеранов составляли последний резерв мелкого и среднего землевладения, противостоявший латифундиям. Из 100 земельных собственников, записанных в велейской таблице (земельном кадастре), земли 46 владельцев идут уже под вторую закладную. Из таблицы видно, что крупные из велейских поселенцев владеют поместьями, составленными из многих мелких участков, некогда бывших самостоятельными владениями. Упоминаемый в таблице Антоний Приск владеет, например, поместьем, сложившимся из 30 некогда самостоятельных владений, на что указывают прилагательные, присоединяемые к слову *fundus* (участок): *fundus Vetutianus* (участок Ветуция), *fundus Acutius* (участок Акуция), *fundus Messianus* и т. д. Поместье Клавдия Прокула состоит из 10 усадеб, Меммия Приска из 37 поместий, оцененных в 1 180 600 сестерций; братья Луций и Гай Ваннии за свои земли, пущенные под вторую закладную, выручили 1 104 600 сестерций и т. д.

Наглядное представление о земельных изменениях велейской и беневентской колоний приблизительно за 100-летний период дает нижеприводимая таблица числа владений¹.

¹ А. Тюменев—История античных рабовладельческих обществ, 1935, стр. 227.

Размеры владений (в гектарах)	Велейя и Плаценция		Беневент	
	В конце республики	В начале II в. н. э.	В конце республики	В начале II в. н. э.
До 5	58	6	57	17
6— 10	23	19	27	18
11— 15	7	4	8	9
16— 25	—	7	—	4
26— 50	1	3	—	—
51—100	—	9	—	2
Свыше 100	—	2	—	—
Всего	89	50	92	50

Покидавшие свои бездоходные хозяйства земледельцы продавали или отпускали своих рабов, эмигрировали в провинции, вступали в армию или же уходили в большие города, опускаясь в ряды люмпен-пролетариата. «Посмотри, пожалуйста, эту массу людей, для которой тесны стены даже этого огромного города. Эта, не имеющая отечества, толпа собралась в Рим из муниципий, колоний и, наконец, со всего мира» (S e n.—ad Helv., 6, 2).

Говоря о росте латифундий в императорский период, не следует, однако, как это иногда случается, слишком упрощать и схематизировать действительную картину. Прежде всего надо иметь в виду характер источников. Большую часть сведений о росте латифундий и разорении мелких производителей мы получаем из сочинений философов, риториков, поэтов и сатириков, склонных к обобщениям и преувеличениям. При более внимательном чтении тех же самых писателей картина получается не столь схематичной и трагической. Можно с полным основанием утверждать, что ни в императорский, ни, тем более, в республиканский период никогда не было такого состояния, чтобы латифундии и сальтусы совершенно поглотили среднее и мелкое крестьянство. Средние и мелкие хозяйства существовали в течение всей римской истории, то сокращаясь, то снова возрождаясь. В поэзии, литературе и эпиграфике по разным поводам постоянно упоминаются средние и мелкие землевладельцы, хотя и не всегда возможно установить, идет ли речь о земельных собственниках или же об арендаторах. Между прочим, к разряду и средних и мелких землевладельцев принадлежали почти все известные нам поэты «золотого века»—Вергилий, Гораций, Тибулл, Марциал и др. Марциал, например, поставил себе цель—какими бы то ни было средствами приобрести деньги и землю, и к концу жизни он был уже довольно состоятельным человеком, имевшим поместье средних размеров. Обеспечивая приличное существование в столице, земля доставляла в то же самое время приятный отдых среди сельской тишины, которым также дорожили современники Марциала, утомленные шумом большого города.

Примером мелкого трудового землевладельца-крестьянина может служить Симул в «Похлебке» Вергилия. Богатство Симула невелико: у него имеется некоторый запас хлеба, овощей и рабыня Симбалла, «дочь знойной Африки, с курчавыми волосами и пухлыми губами», одновременно слуга и подруга Симула. Необходимые денежные средства Симул получает от продажи продуктов своего сада и огорода, которые он на собственных плечах носит на ближайший рынок (V e r g.—Moretum, 80).

4. Развитие мелкой аренды и колонатных отношений

В отдельных случаях магнатские поместья достигали, как показывает, например, описание галльских поместий, огромных размеров—до пяти и более тысяч югеров. Магнатские поместья в течение всей истории Рима оставались в значительной своей части натуральными самодовлеющими ойкосами, в которых большая часть производимых в них продуктов потреблялась в самом же поместье владельцем поместья и его многочисленной дворней. Как показывают произведенные французским историком-археологом Альбертом Гренье раскопки большого имения Шираган, на Верхней Гаронне, магнатские поместья представляли целое поселение со множеством самых разнообразных построек¹. Наряду с роскошными постройками-дворцами—виллами в узком смысле—в поместьях имелись обширные службы с кладовыми, амбарами, погребями, птичниками, огромные парки, сады, огороды, цветники, леса, пастбища, рыбные пруды и реки.

Социальный состав людей, проживавших в магнатских поместьях, был весьма разнообразен. Наряду с рабами и либертами, в них проживали свободные съемщики (колоны), сливавшиеся с рабами и дворовыми слугами в единый «плебейский народ» (*populus plebeius*). Число рабов и вольноотпущенников, проживавших в магнатских поместьях, было очень велико. Они, по выражению источников, составляли целую армию и, подобно настоящей армии, делились на сотни (*centuriae*) и десятки (*decuriae*), находившиеся под надзором поместных командиров-управляющих (*actores vel procuratores*), с подведомственным им служебным персоналом—контролерами, счетоводами, надзирателями, сторожами и пр. Соответственно занимаемому в поместной иерархии месту, члены фамилии получали причитающийся им рацион (*menstrua vel diaria cibaria*).

В магнатских поместьях рабовладение достигло своей высшей точки и здесь же началось его разложение. Сначала рабовладение и неотделимые от него латифундии поглотили мелкие хозяйства и разорили мелких производителей, а потом, на известном этапе развития, эти последние, превратившись в съемщиков из части продукта, в свою очередь явились «предшественниками средневековых крепостных» и подготовили смену рабовладельческого общества феодальным.

«Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестало приносить доход, но в ту эпоху оно являлось единственно возможной формой крупного земледелия. Мелкое хозяйство снова сделалось единственно окупающей себя формой. Одна вилла за другой подвергались разбивке на мелкие парцеллы, которые передавались наследственным арендаторам, уплачивающим определенную сумму, или дольщикам (*partiarum*), которые были скорее управителями, чем арендаторами, получая за свой труд одну шестую, а то и всего лишь девятую часть ежегодного продукта»².

Прежде всего необходимо установить содержание самого термина колонат.

Под колоном (по-гречески *κωλονός*) первоначально понимали всякого свободного человека, который сам обрабатывает поле. В дальнейшем содержание термина расширяется и видоизменяется. Приблизительно с Катона Старшего (II в. до н. э.) колоном называют не только владельца участка—

¹ А. Гренье—*Manuel d'archéologie*, VI, 11, 1934, p. 889.

² Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Партиздат, 1932, стр. 105.

крестьянина, но также и арендатора, съемщика общественной или частновладельческой земли. В юридических памятниках, главным нашим источником по изучению аграрного строя империи, колон в большинстве случаев выступает, как средний и мелкий арендатор, работающий на государственной или частновладельческой земле за уплату определенного оброка (*sensus*), обычно выраженного в деньгах, иногда с прибавкой всякого рода натуральных подарков (*accessiones, хenia*). Арендный договор, как правило, заключался на 5 лет и юридически связывал обе стороны. Заарендованный участок колон обрабатывал собственноручно или с помощью рабов и наемной силы. Наряду с колонами-арендаторами сохраняется также и другая категория колонов-владельцев, земельных собственников, повидимому, игравшая далеко не последнюю роль в общественном строе ранней империи. В некоторых случаях термин колон-собственник идентифицируется с термином кондуктор (*conductor*). Обычное понимание под кондуктором обязательно крупного арендатора расходится с источниками.

Эксплуатация поместий путем сдачи земли свободным арендаторам за деньги или из части продукта широко практиковалась уже в последнее столетие республики. В «Гражданской войне» Цезаря (I, 34) упоминаются магнаты, снаряжающие из своих колонов целые флотилии.

При Юлии Цезаре и Августе, вследствие массового захвата рабов в галльской, иллирийской, испанской и германской войнах, рабовладельческое хозяйство в Италии на некоторое время оживляется, но затем еще больше обнаруживаются симптомы распада.

В I—II вв. н. э. колоны-арендаторы постоянно упоминаются как у писателей, так и в эпиграфических памятниках.

На основании памятников литературы и эпиграфики можно проследить, как колоны в магнатских и в особенности императорских поместьях постепенно вытесняли рабов и как эти последние в свою очередь перерождались в псевдо-колонов (*quasi coloni*). Много внимания колонам уделено, например, в трактате Колумеллы. Предпочитая рабов в силу постоянства их труда и лучшей выучки в виллах среднего размера, рационально поставленных, римский агроном советует в больших поместьях, наряду с рабами, применять также и свободных съемщиков—колонов. Замена рабов колонами особенно полезна в отдаленных частях поместий, потому что колоны не так небрежны к посевам, скоту и орудиям труда, как рабы.

Главная трудность при переходе на колонат заключалась в недостатке состоятельных, более или менее надежных съемщиков. Причина этого заключалась в прогрессирующем обеднении средних и мелких производителей.

Сказанное относится прежде всего к Италии, но отчасти приложимо также и к провинции: В общем и целом экономическая эволюция на всем пространстве Римской империи шла в одном и том же направлении. Недостатком рабочей силы объясняются то внимание и заботливость, с которыми агроном-рационализатор рекомендует относиться к колонам.

Недостаток рабочих рук и обеднение населения заставляли землевладельца сокращать денежную аренду и переходить на натуральную аренду из части продукта. Переход на натуральную аренду был единственным выходом из кризиса при тогдашнем положении.

Колонат из части продукта (*colonatus partiaris*), собственно, и послужил исходной точкой всего последующего развития аграрных отношений

в Римской империи. На основании источников, в частности по «Письмам» Плиния Младшего, можно проследить, как и почему денежная аренда заменялась натуральной арендой.

Из «Писем» Плиния мы узнаем, что в то время в Италии вследствие затяжного аграрного кризиса цены на землю сильно упали. В письме к своему другу Кальвизию Руфу Плиний пишет, что «в настоящее время цены на землю в Италии сильно упали». Имение, раньше стоившее 5 млн. сестерций, теперь продается за 3 млн., да и то с трудом находит покупателя. Причину этого печального факта Плиний усматривает во все углубляющемся разорении средних и мелких владельцев (*rusticani coloni*). Плиний стоит перед дилеммой: покупать или не покупать новую виллу. С одной стороны, покупка имения обещает ему ряд выгод, с другой стороны— Плиний боится риска. Особенно его смущает невозможность найти подходящих, экономически крепких арендаторов.

«Основной пункт моих колебаний,—пишет Плиний,—земля плодородная, жирная, обильная водой, состоит из полей, виноградников и лесов, которые должны дать хотя умеренный, но верный доход; но эта счастливая земля обрабатывается маломощными землевладельцами. Прежний владелец слишком часто продавал взятые в залог средства производства колонов и, таким путем погашая на время их долги, на будущее совершенно истощал свои силы, ибо за недостатком средств их задолженность вновь возрастала. По этой причине многих добросовестных съемщиков надо снабдить всем необходимым, ибо в нашей местности ни я, ни кто-либо другой не имеет рабов» (Ер., III, 19).

Плиний указывает, что с каждым годом возрастающая задолженность колонов дезорганизует их, вселяя в них пессимизм, отчаяние и небрежное отношение к хозяйству.

«Многие совсем перестали заботиться об уменьшении своих долгов, так как они отчаялись в возможности их выплатить. Они расхищают и расходуют урожаи, полагая, что для себя им беречь нечего. Этим все растущим порокам надо оказать решительное противодействие, надо найти против них средство».

Выход из создавшегося положения Плиний усматривает в отказе от денежной аренды и переходе на аренду из части продукта. «Единственный способ врачевания застарелой болезни заключается в одном—сдавать землю не за плату деньгами, а из части продукта» (IX, 37).

Одно из главных преимуществ парциарного колоната состояло в том, что он давал возможность использовать самые разнородные категории рабочей силы, помимо рабов и состоятельных колонов, а также и малоимущие слои свободного населения. Этим разрешались сразу две перво-степенной важности социально-экономические проблемы—проблема рабочей силы для латифундий и проблема воссоздания мелкого производителя (колона). Воссоздание мелкого производителя должно было казаться особенно важным ввиду угрожающего роста латифундий и вымывания средних прослоек римского общества. Таковым представляется в основных чертах процесс образования колоната в Италии и провинциях.

Новейшие исследования показали, что при одинаковости генеральной линии каждая область Римской империи имела свои особенности, обусловленные целым рядом внутренних и внешних причин. Колонатные порядки в Африке, например, складывались иначе, чем в Египте, Греции и Италии, Галлии и Германии.

5. Императорские сальтусы

Колонат существовал и при республике, но господствующее место в римском хозяйстве и юридическое оформление он получил лишь при империи и раньше всего в поместьях (сальтусах) принцепса. Императорские домены (*patrimonium*) создавались по тем же самым экономическим и внеэкономическим причинам, как и поместья магнатов. Разница состояла в том, что в росте императорского землевладения политический фактор играл значительно большую роль, чем при создании частновладельческих доменов.

Политика римских императоров I—II вв. в хозяйственной сфере была направлена на расширение императорских доменов, создание обширного фонда императорских земель и введение норм, регулирующих отношения между непосредственными производителями в императорских поместьях и мастерских и императорской администрацией. Процесс поглощения императорскими поместьями частных поместий начался с первых годов принципата и продолжался до конца IV столетия, когда начался обратный процесс роста частных поместий за счет императорского фонда, но уже на другой (феодалальной) основе.

Исследования Гиршфельда, Моммзена, Дресселя, Кейля, Пельгама доказали наличие императорских поместий в первые века нашей эры на пространстве всей империи. Патримоний увеличивался разными путями: путем наследования выморочных имуществ, завещаний друзей и клиентов, путем заимки новых земель, покупки и конфискации магнатских поместий, принявшей при последних императорах Клавдиевой династии, Клавдии и Нероне, массовый характер.

При Флавиях и Антонинах императорский патримоний получил уже законченную организацию, вобрав в себя остаток старинного *ager publicus*.

При современном состоянии материала организацию императорских земель лучше всего проследить на примере Африки, с аграрным строем которой мы более знакомы благодаря надписям и основанным на них специальным монографиям, в особенности монографии А. Шультена—«Die römischen Grundherrschaften». Императорские земли в Африке составляли особый земельный фонд, находившийся в ведении специального земельного управления Африки. Африканский земельный фонд делился на три больших округа—*tractus* или *diocesis provinciae*, примыкавших к трем главным городам африканской провинции—Карфагену (*tractus Carthaginiensis*), Гадрумету (*tractus Hadrumetarius*) и Гиппону (*tractus Hipponensis*). Округа делились на районы (*regiones*), в каждом из которых находились один или несколько сальтусов. Сальтус состоял из вилл, вокруг которых располагались поселки (*vici*), состоявшие из нескольких изб (*casae*). Во главе округа стоял императорский управляющий, или прокуратор (*procurator tractus*), с многочисленным подчиненным ему штатом слуг—архивариусами (*tabularii*), счетоводами (*dispensatores*), переписчиками (*librarii*), стенографистами (*notarii*), курьерами (*cursores*), врачами (*medici*), педагогами (*paedagogi*), землемерами (*agrimensores*) и другого персонала, перечисляемого в могильных надписях Римской Африки.

Аналогичным образом императорские поместья были организованы и в других частях Римского государства, в частности в малоазиатских провинциях.

6. Начало закрепощения колонов

Появление императорских салътусов знаменовало переломный момент в социально-экономическом строе Римской империи—ослабление городского (муниципального) строя и начало поместного (феодального) строя. Особенностью императорских, а в известной мере и частновладельческих салътусов было то, что они в юридическом отношении были совершенно независимы от соседних муниципиев. Они сами конструировались по типу муниципиев (*municipii instar*). С каждым столетием приобретающие все большее значение экзимирированные поместья-салътусы разлагающим образом влияли на городской строй, узурпируя права города.

В конце II в. императорские и государственные земли слились в одно ведомство государственных или императорских земель (*ratio*), управляемых из одного центра. Салътусы представляли самостоятельные социально-экономические тела, подобные муниципиям. Все отношения между людьми, проживавшими на территории данного салътуса, регулировались, согласно уставу данного салътуса (*lex, consuetudo praedii*), прокураторами данного салътуса.

Подобно гражданам муниципия, проживавшие в салътусах колоны и инквилины формально считались свободными и по окончании, обычно пятилетнего, срока аренды могли оставить поместье. Однако теория не всегда совпадала с практикой.

Зависимость колонов от владельцев поместий, в первую очередь, конечно, от главного помещика—императора, увеличивалась потому, что в большинстве случаев арендаторы не имели собственных орудий труда, инвентаря, рабочего скота, помещений для хранения зерна, вина и масла и пользовались господским инвентарем. Как видно из многочисленных разъяснений римских юрисконсультов, передача имений по завещаниям и сдача в аренду всегда происходила вместе с инвентарем поместья (*instrumentum fundi, apparatus*); при этом в состав инвентаря зачислялись самые разнообразные вещи, как-то: сельскохозяйственные орудия, прессы, бочки, ведра, кувшины, лопаты и перевозочные средства для вывоза продуктов на продажу, помещения для хранения продуктов, помещения для рабов, мастерские и пр.

Наряду с инвентарем поместья колоны нередко получали также и денежную ссуду.

Таков экономический корень закрепощения римских колонов.

Чем дольше колон оставался на заарендованном им участке, тем он больше прирастал к земле и, как «прилипший к земле» (*adhaesus terrae*), делался неотъемлемой частью поместья.

Долги и недоимки колонов, а вместе с ними, следовательно, и сами колоны с юридической стороны рассматривались, как составная часть поместного инвентаря, передаваемая другому владельцу вместе с поместьем. Типичная формула передачи поместья по завещанию, например, гласила: «Желаю, чтобы поместье такое-то было передано такому-то с полным оборудованием (*ita ut est instructus*), со всеми вещами, рабами и долгами колонов» (*reliquis colonorum, Dig., XXX, 6, 27*).

Процесс закрепощения свободных арендаторов можно проследить в юридических актах, арендных договорах, контрактах и поместных уставах.

По вопросу о происхождении колоната в специальной литературе не существует единого мнения. Различные исследователи подчеркивали

то одну, то другую сторону. По мнению одних (Фюстель де-Куланж, Гревс, Пельгам, Пиганиоль, Пайс) основой колоната служила мелкая свободная аренда, другие (Савиньи, Цумпт, Марквардт и Ээк) на передний план выдвигают варварские поселения на римской почве, третьи (Рудорф, Франк) главным источником колоната считают рабов, посаженных на землю и т. д.

Ни одна из названных теорий не может быть принята полностью, ибо каждая из них, выдвигая на передний план один какой-нибудь источник, игнорирует или, по меньшей мере, недооценивает другой.

Социально-экономическая природа колоната более сложна и многообразна, чем это представлялось старым историкам, юристам и экономистам. Колонат вырос не из одного, а из многих исторических корней, из них некоторые уходят далеко, еще в доримские порядки. Кроме того, при изучении колоната и колонатных отношений, как и при изучении рабства, необходимо еще иметь всегда в виду местные (региональные) особенности и доримские влияния.

Но из каких бы исторических корней ни возростал колонат, он являлся новой производственной формой, приходившей на смену рабовладельческой формации.

В период кризиса рабовладельческого строя парциарный колонат был единственной производственной формой, которая могла задержать распад Римской империи со всеми ее культурными надстройками и подготовить почву для дальнейшего вызревания феодальных отношений. Взятый в целом, колонат по сравнению с рабством, тоже взятым в целом, является прогрессивной социально-экономической формой, открывавшей возможность перехода к более высокой—феодальной—организации. Этому не противоречит снижение социально-экономического и культурного уровня, имевшее место в последние века Рима в некоторых, по преимуществу центральных, рабовладельческих районах—в Италии, Греции и Сицилии.

Виновником деградации античной культуры был не колонат, а рабовладельческая система в целом. Для перехода на следующую ступень общественного развития необходима была коренная революция.

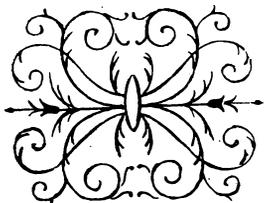
Как отмечалось выше, огромное преимущество колоната в условиях Римской империи состояло в том, что колонатная форма эксплуатации давала возможность использовать самые различные виды рабочей силы: свободных, рабов и варваров. Исторически колонат вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды. На известное время кризис был ослаблен, посевная площадь расширена, опустевшие ряды армии пополнялись колонатами, землевладельцы и государство приобрели рабочую силу, масса же людей нашла приложение своему труду. Культурный подъем Средиземноморья при Антонинах не может быть понят вне связи с колонатом.

Наконец, без допущения значительного увеличения числа средних и мелких землевладельцев, римлян и варваров, невозможно объяснить факт существования огромных армий, набравшихся в III—V вв. не только в провинциях, но и в Италии.

«Перемена формы эксплуатации,—пишет В. И. Ленин,—превращала рабовладельческое государство в крепостническое. Это имело громадное значение. В рабовладельческом обществе—полное бесправие раба, он не признавался за человека; в крепостническом—привязанность крестьянина к земле. Основной признак крепостного права тот, что крестьянство (а тогда крестьяне представляли большинство, городское население

было крайне слабо развито) считалось прикрепленным к земле,—отсюда произошло и самое понятие—крепостное право. Крестьянин мог работать определенное число дней на себя на том участке, который давал ему помещик, другую часть дня крепостной крестьянин работал на барина. Сущность классового общества оставалась: общество держалось на классовой эксплуатации. Полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве.

Но все же к их освобождению, к освобождению крестьян открывалась дорога более широкая, так как крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика. Он мог проводить часть времени на своем участке, мог, так сказать, до известной степени принадлежать себе, и крепостное право при более широкой возможности развития обмена, торговых сношений все более и более разлагалось, и все более расширялся круг освобождения крестьянства»¹.

¹ Ленин—О государстве, Соч., т. XXIV, стр. 370—374.